

А ты сумеешь быть любой, разной, ты постоянно будешь меняться и обойдешь их всех».

Мать оказалась права. Через несколько лет Линду Евангелисту уже знаменитую модель — прозовут «хамелеоном». Карл Лагерфельд объявит ее символом нашего без конца меняющегося времени. Лицо Линды будут сравнивать также с пустым и ничего не выражающим полотном холста, на котором художник может нарисовать все, что ему будет угодно. Но это все позже, а пока..

Директор универмага осмотрел Линду с головы до ног, попросил: «Повернись, девочка», брезгливо поморщился и попытался еще раз объяснить ее настырной мамаще: «Вы понимаете. это детский каталог, нам нужны миленькие маленькие девочки с курносыми носиками и губками бантиком, ваша дочь нам абсолютно не полхолит... Вот если бы вы... - он ласково заглянул в вырез ее кофточки, - если бы вы согласились сниматься для нашего каталога женского

Вечером того же дня мама Линды появилась на пороге директорского кабинета... А утром Линда уже снималась для каталога.

КАК ДОБИТЬСЯ СВОЕГО

Первый конкурс красоты в ее жизни (выбирали самую красивую девочку-подростка Канады) закончился полным крахом — она была исключена еще до завершения соревнования. Однако смириться с поражением ей, балованной маменькиной дочке, было невозможно

Долго-долго тянется время. Ночь. Линде страшно и холодно сидеть в кустах, напряженно следя за дверьми лучшего в их маленьком городке на юге Канады

отеля. В этом отеле поселились члены жюри того самого конкурса. Через большую витрину отеля видно, как консьерж, потягиваясь, направляется к дверям туалета. Линда одним прыжком оказывается у входа и проскальзывает внутрь... Она находит нужную дверь на пятом этаже, осторожно, стараясь не шуметь, открывает ее (ключи еще утром выпали из кармана красиво-

го, элегантно одетого человека — представителя агентства «Элит», и Линда не преминула этим воспользоваться). В номере темно, горит один ночник. Человек на кровати безмятежно спит... Линда подскакивает к нему и шепчет в самое ухо: «Если вы не сделаете из меня модель, я скажу,

стаивали у витрины того магазина по несколько часов, любуясь сверкающим совершенством этих туфель. «Когда-нибудь и ты сможешь купить себе такие...» — не отрывая взгляда от витрины (они стеснялись заходить внутрь), выдохнула мама. Линда молча кивнула.

Мир большой моды по-прежнему не спешил принять Линду. Правда, ее больше никто не называл костлявой дылдой. Зато ее называли жирной шмакодявкой (при росте в 176, ее талия была 64 сантиметра — для манекеншицы это убийственно). Одна радость — роскошная, до попы,

что вы меня изнасиловали!» Человек открывает глаза, со сна не может понять, что происходит. «Я сейчас закричу...» — предупреждает Линда. Человек на кровати, немного опомнившись, принимается хохотать... «Ну, девочка, ты и артистка! Раздевайся!»

Тут уж опешила сама Линда. «Ну что ты смотришь на меня. как солдат на вошь? Раздевайся, говорю! Включи свет. Пройдись до окна. Повернись. Улыбнись. Откинь голову, расправь плечи...» Под утро он наконец оставляет измученную Линду в покое и выставляет ее за дверь... вместе с приглашением в Нью-Йорк и черновым вариантом контракта.

ЛИНДА-КРАСА, ДЛИННАЯ КОСА

Самым поразительным в Нью-Йорке были эти туфли. Серебристые, блестящие, с большой красивой пряжкой... Они стоили 200 долларов. Линда с мамой каждый день про-

